

Когда-то этот день должен был настать: придётся защищать погибших девочек и мальчиков от своры, которая не верит ни в самоотверженность, ни в подвиг. Так было в 1990-е, так случилось опять. Этот день нельзя было предугадать. Он как война — пришёл неожиданно, и я почти счастлива, что могу дать отпор глупцам и негодьям ради того светлого и чистого, во что верю. Да, это счастье — умереть за свой народ. Но жить для него — это ещё большее счастье.

Это не пафос, это норма. Но вы, конечно, мне не поверите. Поэтому буду говорить не от себя.

Я имею право говорить за всю нашу часть №9903 от имени ещё живых её бойцов и от имени потомков тех, кто ушёл от нас. Я — не потомок. Хотя изо всех сил храню память о мужественных людях, кусочки чужих воспоминаний, отголоски времени. Собираю электронный архив. Добровольно и безвозмездно. Потому что это личный долг перед теми, кто спас меня и столицу моей Родины в те трудные годы. Много не успеваю, конечно, но в одиночку всегда непросто.

Зоя тоже была одна. Ей, живой, куда труднее было противостоять фашизму, чем нам, скрытым за профилями соцсетей. Однако она смогла, а значит, и мы сможем.

Не стану разбирать по косточкам заявление карикатуриста — бессмысленно анализировать ложь, которая базируется даже не на личных воспоминаниях, а на лживых статейках времён «перестройки», к тому же неоднократно опровергнутых. Я лучше расскажу про таких, как Зоя. Их насчитывалось более двух тысяч — добровольцев, попавших в часть, примерно треть — девушки. Ещё тысячу отсеяли при отборе: не прошли медкомиссию, не внушили доверия, не подошли по личным качествам. Молодёжь рвалась защищать осаждённую столицу, и не одна Зоя тогда штурмовала Московский комитет комсомола.

Достаточно истории Клавдии Милорадовой, которую направляли в тыл, а она упорно добивалась путёвки на фронт. В составе части №9903 она прошла оккупированное Подмосковье и «глубокую усадку» в Белоруссии. Я совсем чуть-чуть не успела её застать — переехала в Москву через год после её смерти.

Клавдия Милорадова. Довоенное фото

Но тогда, в 1990-х, она вместе со многими взяла на себя труд и груз: отстаивать честное имя своих однополчан. Хотя господин Андрей Бильжо, наверное, интерпретирует это как старческий маразм, а не веру в истину.

Зато мне несказанно повезло дружить с Маргаритой Паншиной. Восемнадцатилетней она ушла в часть №9903, так же ходила в тыл к врагу, резала связь, минировала дороги, стреляла по немецким обозам. А после войны восстанавливала имена погибших и пропавших без вести, искала родственников, пополняла архивы. Она и сейчас полна сил и желания работать.

Именно Маргарита Михайловна нашла родственников Лизы Беневской, которая числилась в группе под конспиративной фамилией. Лиза погибла в одном выходе с Паншиной, прикрывая отступление товарищей, жертвуя собой, что как-то тоже ненормально с точки зрения дипломированного психиатра.

Маргарита Паншина

«Две девушки были убиты разрывными пулями, две тяжело ранены, а ещё две легко — у одной пуля попала в пряжку на ремне, у другой в книжку на груди... Немедленно отправились за санями, чтобы довести раненых. Катю Елину сразу нашли, а Лизы и Нади уже не было... Раненная в ноги Лия Кутакова ползла всю ночь, вставив руки в крепления лыж, к утру добралась до деревни, занятой нашими, два месяца пробыла на излечении в госпитале, и снова — на фронт» — так вспоминала тот бой Маргарита Михайловна.

Лишь спустя много лет из воспоминаний местных старожилов, которые обнаружили и похоронили изуродованное тело безымянной партизанки, бойцы части узнали судьбу Лизы Беневской. Пленённая, после страшнейших пыток она погибла под штыками фашистов, не выдав своих товарищей.

Елизавета Беневская

Что это: упорство на грани помешательства? Или очередной приступ «мутизма»?»

Когда-то жила на земле Лариса Васильева, ей почти исполнилось семнадцать. Она попала в плен в деревне Поповка, была изнасилована, подвергнута жестоким пыткам, а после этого раздетой брошена на мороз умирать. Последними её словами было: «Вы меня убьёте, но ни одна фашистская гадина не уйдёт живой с нашей земли!» Жители деревни после войны называли дочерей Ларисами в её честь.

Лариса Васильева

Может быть, и это — случай из психиатрии?

Две девушки были в группе Константина Пахомова: Женя Полтавская и Шура Луковина-Грибкова — студентки Московского художественно-промышленного училища. Пятого ноября 1941 года группу окружили на городском кладбище Волоколамска, взяли живыми, допрашивали, затем повели на казнь. На Солдатской площади уже была готова виселица. Но внезапно восемь приговорённых обнялись и с песней двинулись на немцев. У тех не выдержали нервы — раздались автоматные очереди. Перед смертью ребята кричали: «Да здравствует Родина!»

Массовая истерика казнимых?

Потом для устрашения их тела всё-таки повесили. Оpoznали и похоронили лишь в январе, когда Волоколамск был освобождён.

И, наконец, Вера Волошина. До войны она переболела гриппом, который дал осложнение на ноги. Несколько месяцев она не вставала с постели. Пришлось бросить Институт физкультуры и вернуться в Кемерово, где отец лечил её электричеством (электричеством, Бильжо!). Через год Вера поступила в Советский институт кооперативной торговли.

Вера Волошина в Серебряном Бору. 1940 год

А ещё через три года избитая и окровавленная девушка запела «Интернационал»

с верёвкой на шее, зная, что жизнь вот-вот оборвётся.

После войны было непросто найти свидетелей её гибели — жители деревень уходили «из-под немца» в леса, жили в землянках. Казнь Веры почти случайно увидела крестьянка совхоза Головково, которая осталась в обжитом доме вместе с беременной дочерью. Именно эта женщина рассказала журналисту-поисковику Георгию Фролову о последних минутах жизни светловолосой девушки-партизанки. Она же и опознала её на групповом фото.

Вера наверняка заразилась от Зои шизофренией — иначе как она могла совершить точно такой же подвиг?

Кстати, совсем недавно на немецком сайте-аукционе выставили снимки её казни. При этом ранее нигде не было информации о том, что повешенную Веру фотографировали.

В том-то всё и дело: Зоя не совершила уникального подвига — все бойцы части № 9903 знали, на что идут, и были готовы к мученической смерти. Однако так сложилось исторически, что именно Зоя стала символом Победы над фашизмом. Она стала для мира тем человеком, который молчал, когда от неё требовали слов, и говорил, когда требовали молчания. И кланяясь ей, мы склоняем голову перед величием Веры, Клары, Лизы, Жени, Ларисы. А топча её память, убиваем собственное будущее.

Вера Волошина (вторая слева в верхнем ряду, 1937 год. Команда кооперативного института)

Вот теперь это пафос, но, говоря за всю часть №9903, я имею на него право.

Бросив подлое и лживое заявление в сторону национальной героини, Андрей Бильжо, Роман Доброхотов, Софья Адамова и иже с ними остаются безнаказанными. Какую ещё гадость они выдумают про девушек, вставших на защиту Родины наравне с мужчинами и погибших страшными смертями?

Зоя Космодемьянская. Фото для комсомольского билета

Если честно, я завидую Андрею Бильжо: я бы тоже хотела попивать вино в Венеции, зная, что московский ресторан принесёт мне доход, что теперь в поддержку гонимого «ватой» художника туда хлынет толпа псевдолибералов. Я бы тоже хотела не иметь ни памяти, ни совести — без них куда проще жить. Однако я их имею. И, наверное, только это позволяет мне считать себя человеком, достойным хранить память о девочках и мальчиках из части №9903.

И те, кто поддержал сейчас Зою, имеют. Это трудный выбор, но верный.